

ПОЭМА «О БРАТЬЯХ – ГЕРОЯХ»

В. Домбровский

*Это было, когда, отморозив носы под Москвою
И решивши погреть свои лапы у теплых морей,
Развернулись фашисты, холодной стальной ордюю
Устремились на юг разоренной Отчизны моей.
Лето. Сорок второй.
Группа армии фельдмаршала Листа
Под названием «А», от пыли и жары ошалев,
Снова взяла Ростов, Краснодар, продолжая катиться
На Майкоп и на Грозный, на нашу кавказскую нефть.*

*Полыхала Кубань от заиленных плавней Азова
До высоких своей неприступною гордостью гор...
А в тылу у врага по законам сердечного зова
Поднимался народ, чтобы дать оккупантам отпор.
Сквозь завесы огня и клубы до небесного дыма
Партизаны несли напоенные мстью сердца,
Вспоминая занятия в классах ОСОАВИАХИМа,
Заучив назубок краткий курс молодого бойца.
А ходить на врага можно смело, но лучше умело.
И нарком обороны подписал партизанский приказ
В сентябре. И тогда еще жарче земля загорелась*

*Под пятою пришельцев. Начинаясь борьба за Кавказ.
Был на отдых смещен отступающий маршал Буденный,
Чтоб растить табуны устаревших для войн рысаков.
А пришел генерал, трижды смертью в Крыму окрещенный,
Разработчик атак и обхватных ударов - Петров.
Шел нахрапом фашист, называя поход свой великим,
Но Петров отступить выше гор никому не велит,

И ложится костьми под Майкопом дивизия «Викинг»,
Целый корпус словаков с названьем библейским «Давид».
Стало легче. Победа забрезжила на горизонте.
И поджали фашисты мышинового цвета хвосты:
Нет на фронте житья и за линией крепкого фронта –
Рвут казармы и склады и мины кладут под мосты.

И тогда поубавилось спеси военной и прыти,
У вояк заграничных остыл наступательный пыл,
И поднялся отряд с неслучайным названием «Мститель»,
Потому что за зло и предательство грязное мстил.
Мстил фашистам за смерть россиян и далеких, и близких,
За разбитую жизнь, за девичью убитую честь,
Из животных глубин, человеку всегда ненавистных,
Поднималась и шла справедливая, жгучая месть.*

Командир партизан был бесстрашный Петр Карпыч Игнатов –
Большевик, каторжанин, носитель октябрьских идей,
Обожжен на гражданской был тифом и жаром снарядов,
На «гражданке» - строитель, учитель троих сыновей.
Самый старший - Евгений.
Он стал, как отец, инженером,
По военной дороге пошел средний сын Валентин.
Для Геннадия братья с отцом стали ярким примером
Ему было семнадцать,
Он третий по счету был сын.

Немцы взяли Ростов.
И открылись ворота Кавказа.
По решению крайкома в урочищах темных лесов
Заложили склады оружейные, ждали приказа,
Чтоб в подполье уйти, сотни славных России сынов.
И приказ поступил.
Перед взятием столицы Кубани
Запылали заводы, мосты изогнулись в дугу,
И горел Краснодар, не тушили его горожане:
Это первый удар от кубанцев-героев врагу...
Приближался октябрь переломного сорок второго,
А в глубоком тылу что ни ночь - партизанский налет:

*Взрыв дорог и казарм, и листовок правдивое слово,
Над предателем суд - все в победный заносят зачет.
Чтоб почувствовал враг, что находится он в окруженье,
Каждый дом, каждый куст, каждый холм и заросший овраг
Не давал расслабляться.*

*Держал даже днем в напряженье,
Вражьи нервы мотал на крутой партизанский кулак.*

*В золотом октябре, в день десятый по краткому счету,
Объявился связной, с виду дед-богомол в армяке,
И Петр Карпыч ведет «старика» прямоком в разведроту...*

*А сорока строчит, словно спички трясет в коробке.
И выводят коней, к крупам ящички с толом торочат,
Автоматы на грудь и за пояс по паре гранат.*

*И уходит в туман (снова что-то сорока пророчит)
Боевой молодой, словно канувший в небо, отряд.*

*И мгновенно затих дикий лес от исчезнувших теней,
И сильнее набряк, почернев от дождя небосклон,*

*А Елена Ивановна, мама Евгения с Геной,
Все шептала одно: «Эшелон, эшелон, эшелон...»
Обнимая сынов, тихо канувших в сумрак вечерний,
Так прижала к груди их, шепнув материнский наказ,
Словно знала она, что живыми их видит последней...*

«Возвращайтесь с победой, сыночки, я ждать буду вас!..»

Три часа шли без отдыха, к полночи вышли к «чугунке».

Отдышались. Коней распрягли и в овраг завели,

И с поклажей своей неподъемной плывут по-пластунски

По волнам ковыля, и скрывают следы ковыли.

Ночь, как сажа, черна - это просто мечта партизана.

Вот меж рельсов, невидим, молчит динамит разрывной.

И два брата лежат в придорожных наростах бурьяна,

И бикфордов шнурок припорошен опавшей листвой.

Все рассчитано так, что и носа комар не подточит,

И все взвешено впрок на весах беспощадной войны:

Загорится искра, побежит золотой огонечек,

И закончится смертью бикфордова жизнь тишины.

Показался состав.

Нет, сначала слышался даже,

Потому что по рельсам пошла звуковая волна:

Шел тяжелый состав, тяжела на платформах поклажа.

Так да здравствуй, война, если ты справедлива, война!

На платформах танкетки, в зеленых вагонах танкисты,

Аппетитно коньяк заедают кубанским сальцом,

Громко песни поют, вот, эти ж вашу мать, вокалисты...

Но минута еще.

И закончится дело - концом.

*А танкисты поют про немецкое Черное море,
И про Волгу, что русским родней, чем родимая мать,
Эту песню допеть им придется в заоблачном хоре,
Но за смерчем огня нам слова ее не разобрать.
Вас не звали сюда с вашим «дойчланд» и всем «любераллес»,
Вам кричали озера и реки и город с селом,
Вам шумели леса, чтобы вы по добру убирались.
Не прислушались вы, ну тогда убирайтесь со злом.
После года войны даже фюрер в победу не верил,
А полгода спустя и солдаты узнали всерьез:
Каждый камень России им в голову глупую целил...
Так же думал Евгений и спичку к «бикфорду» поднес.
А как взрыв полыхнул - стало ярко в Афинской станице,
Но когда громыхнул очумело снарядный вагон,
Стало в Северской так, как бывает светло во светлице,
И вставал на дыбы и летел под откос эшелон.
А по окнам стучат автоматные злобные пули,
Двери рушат гранаты, взрываясь одна за другой,
Где минутоу назад шнапсы весело горькие дули
И курили табак, потешаясь над русской страной.
Все решается в жизни за доли случайных мгновений.
Неслучаен лишь подвиг. Он в памяти вечно живет:
На смерть срезан осколком, уткнулся в землю Евгений,*

И Геннадий упал с автоматом в руках на живот.

Разве думали братья о Родины высшей награде,

Уходя в кovyли, пропадая в болотистой мгле,

Ради жизни моей, а не званья Героя за ради,

Ради жизни свободной на нашей российской земле.

Когда утро взошло, то увидели диво вандалы:

Шпалы дыбом стоят, рельсы скручены - тоже торчком...

Две недели пришлось разбирать по дороге завалы

Из платформ и танкеток, чугунно-стальной бурелом.

И под Винницей Гитлер, забившийся в логово волчье,

Все пытался понять, но не взял в свой коричневый толк,

Как пятюк партизан умудрились кровавою ночью

Запустить под откос его имени танковый полк.

Слава смелым братьям, окруженным народной любовью!

Вы короткую жизнь за Россию отдали не зря.

Будь им пухом, политая щедро сыновнею кровью,

*Защищенная ими от бед иноземных,
земля!*

